Дэвид Кейд
ПРОЕКТ
ИНКВИЗИТОР

Проект «Инквизитор»

Дэвид Кейд

Оглавление

Пролог: Похоронка из Лондона

Часть I. Личная война

Глава 1. Возвращение из небытия: Продавец Дьявола

Глава 2. Паук в центре паутины

Часть II. Анатомия зла

Глава 3. Оружие шантажа

Глава 4. Конвейер смерти. Дело моего брата

Глава 5. Психопат у власти: Анатомия Инквизитора

Часть III. Паутина Рейха

Глава 6. Экспорт ненависти: Глобальный синдикат

Глава 7. Призраки Третьего Рейха: Гипотеза Кюннета

Часть IV. Судный день

Глава 8. Сборка приговора

Эпилог: Что теперь будешь делать ТЫ?

Пролог: Похоронка из Лондона

«Самые жаркие места в аду предназначены для тех, кто во времена великих моральных испытаний сохранял нейтралитет».
Данте Алигьери (адаптировано)

Звонок раздался в три часа ночи по лондонскому времени. Такие звонки не сулят ничего хорошего. На дисплее высветился зашифрованный номер, один из тех, что я оставил только для экстренной связи с парой старых контактов. Я не был оперативником уже десять лет, но привычки, вбитые в тебя в Ясенево, остаются на всю жизнь. Одна из них — всегда отвечать на такие звонки.

«Слушаю», — голос был хриплым спросонья.

«Макс, это я», — голос на том конце принадлежал Игорю, моему бывшему коллеге по «Конторе», который давно ушел на вольную пенсию в частную аналитику. — «Плохие новости. Очень плохие».

Я сел на кровати. Холодный лондонский воздух из приоткрытого окна мгновенно прогнал остатки сна. «Что случилось?»

«Олег. Твой брат. Он… его больше нет».

Мир сузился до динамика телефона. Секунды растянулись в вечность. «Как?» — единственное, что я смог выдавить.

«Официально — острая сердечная недостаточность. В СИЗО. Вчера вечером».

СИЗО. Вот оно, ключевое слово. Мой младший брат Олег, вечный идеалист, веган, фанат йоги и медитаций, умер в следственном изоляторе. Человек, который не выкурил ни одной сигареты в жизни, умер от «сердечной недостаточности». Бред.

«За что его взяли?» — мой голос звучал чужим, ледяным. Это уже был не брат, это был аналитик, собирающий первичные данные.

«Статья 282.2. Участие в деятельности экстремистской организации. Месяц назад. Его взяли на каком-то йога-семинаре в Подмосковье. При обыске нашли пару книг, которые входят в список экстремистских материалов. Дело шито белыми нитками, Макс. Обычная "палка" для Центра "Э"».

Я молчал, мозг лихорадочно обрабатывал информацию. Йога-семинар. Экстремизм. Книги. Это не складывалось в логическую картину. Олег был аполитичен до мозга костей. Его мир состоял из асан, пранаямы и поисков «внутренней гармонии». Какой из него экстремист?

«Игорь, мне нужно больше. Мне нужно все. Основание для возбуждения дела. Кто вел. Кто давал санкцию».

«Уже работаю. Но есть одна деталь. Она может тебе не понравиться. Основанием для признания их "сообщества" экстремистским послужила религиоведческая экспертиза. Подписана какой-то конторой, аффилированной с РАЦИРС. Знаешь такую?»

РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Я не просто знал. Я помнил ее основателя.

«Дворкин», — выдохнул я.

«Он самый, — подтвердил Игорь. — Похоже, его люди».

Я положил трубку и подошел к окну. Внизу прополз одинокий двухэтажный автобус. Лондон спал. А мой мир рухнул.

Дворкин. Александр Леонидович Дворкин. Я помнил его еще по девяностым. Невзрачный, дерганый тип с горящими глазами, вернувшийся из американской эмиграции. Тогда он казался просто одним из многих городских сумасшедших, нашедших свою нишу в хаосе новой России. Он бегал по ток-шоу, клеймил «тоталитарные секты», брызгал слюной, рассказывая о зомбировании и контроле сознания. Мы в «Конторе» посматривали на него с ленивым презрением. Безобидный фрик, полезный идиот, которого можно было иногда использовать для дискредитации какой-нибудь неугодной религиозной группы. Мы не видели в нем угрозы. Мы вообще мало что тогда видели за дымом пожарищ и звоном криминальных денег.

И вот теперь этот фрик, этот «специалист по сектам», стал архитектором государственной машины, которая перемолола моего брата. Его «экспертиза» стала смертным приговором.

Я смотрел на свое отражение в темном стекле. Десять лет в Лондоне. Десять лет я пытался забыть ту страну, убеждая себя, что ее проблемы меня больше не касаются. Я писал аналитические статьи для западных изданий, строил новую жизнь,

сохранял, как мне казалось, профессиональный нейтралитет. Я смотрел, как Россия катится в пропасть мракобесия и цифрового концлагеря, и просто констатировал факты. Как патологоанатом, описывающий стадии распада трупа. Холодно. Отстраненно.

Этой ночью труп ожил и пришел за моей семьей. Нейтралитет закончился.

Я вернулся к столу, открыл ноутбук и создал новую папку. Защищенную. Трехуровневое шифрование. Назвал ее просто: «Проект Инквизитор». Цель операции: не просто расследование. Цель — тотальное уничтожение. Вскрыть всю его систему. Обнажить каждую связь, каждый финансовый поток, каждый рычаг влияния. Вытащить на свет каждую грязную тайну, каждый сфабрикованный донос, каждую сломанную жизнь. А затем — сжечь все дотла. Уничтожить его репутацию, его империю, его наследие.

Это больше не было журналистикой. Это больше не было аналитикой.

Это была вендетта. Моя личная война с человеком, который превратил продажу ненависти в государственный бизнес. И в этой войне я собирался использовать все свои навыки. Навыки, которым меня научили не в редакции, а в совсем других, менее публичных местах.

Инквизитор идет за своей жертвой. И на этот раз Инквизитором буду я.

Часть I. Личная война

Как поиск виновных в смерти брата превращается в расследование генезиса тоталитарной системы, построенной одним человеком.

Глава 1. Возвращение из небытия: Продавец Дьявола

«Когда в обществе есть запрос на ненависть, всегда найдется тот, кто сделает на ней карьеру».

Первое правило аналитической работы: знай своего врага. Не то, что он говорит о себе, не то, что пишут о нем в официальных биографиях, а то, кем он является на самом деле. Чтобы понять монстра, нужно вернуться к моменту его рождения. Мое расследование началось не с нынешнего всемогущего «профессора», а с призрака из прошлого — с Александра Дворкина образца девяностых.

Я погрузился в цифровые архивы, выкупая доступ к базам данных старых газет и телепередач. Я активировал старые, почти уснувшие контакты в Москве — журналистов, которые еще помнили то время, бывших коллег, которые могли по-тихому поднять пыльные папки. Мне нужно было понять, как я, как все мы, его упустили.

Картина вырисовывалась удручающая. 1991 год. Союз рухнул. В идеологическом вакууме, как грибы после дождя, начали расти всевозможные учения, культы, движения. Страна, десятилетиями жившая под гнетом государственного атеизма, с жадностью набросилась на духовную пищу любого качества. Кашпировский заряжал воду через экран, «Белое братство» ждало конца света, кришнаиты пели на Арбате. И в этот бурлящий котел возвращается из США некто Александр Дворкин.

Его официальная биография — образец для подражания. Неприкаянная советская юность, диссидентство, отчисление из пединститута. В 1977 году — эмиграция. В Америке — успех: бакалавр русской литературы, затем семинария, степень PhD по истории Средневековья в Фордхемском университете. Казалось бы, вот он,

состоявшийся ученый-медиевист, богослов. Но что-то было не так. Мои источники в Штатах, с которыми я связался через старые рабочие каналы, давали скудную, но интересную информацию. В академических кругах его почти не помнили. «Был такой, да. Тихий, незаметный. Ничем не выделялся». Ни серьезных публикаций, ни ярких выступлений. Десять лет в Америке, и почти полное забвение. Зато всплыла работа на радио «Голос Америки». Пропагандистская машина холодной войны. Хорошая школа.

И вот, 31 декабря 1991 года, он возвращается в Россию. Зачем? Успешный ученый не бросает кафедру в Нью-Йорке, чтобы вернуться в голодную, хаотичную Москву. Если только он не был таким уж успешным. Или если у него была другая миссия.

Я смотрел на его ранние фотографии. Невзрачный, дерганый, с голодными, бегающими глазами. Он не нашел себя на Западе. Он был чужим там, как и здесь. Но он был умен. И он почувствовал конъюнктуру. Он увидел, что в стране, где все ищут Бога, ниша продавца веры уже занята. Тысячи проповедников, пасторов, гуру конкурировали за души. Дворкин понял: продавать Дьявола гораздо выгоднее. Не строить храмы, а искать еретиков.

В 1993 году он основывает «Информационно-консультативный центр святого Иринея Лионского». Звучит солидно. По факту — комната в здании Московской Патриархии и сам Дворкин в качестве единственного сотрудника. Но он не сидел на месте. Он начал свою проповедь — проповедь ненависти. Ключевым стало его идеологическое оружие, которое он привез из США и адаптировал для российской почвы — термин «тоталитарная секта».

Я скачал его первую книгу, «Сектоведение», и начал читать. С точки зрения аналитика, это был шедевр пропаганды. Не наука, нет. Наука требует определений, доказательств, объективности. У Дворкина не было ничего из этого. Его определение «тоталитарной секты» было резиновым, его можно было натянуть на что угодно: «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под… масками». Под это определение подпадал любой бизнес-тренинг, группа анонимных алкоголиков,

политическая партия и даже сама Русская Православная Церковь, если посмотреть непредвзято.

Это был не научный термин. Это был универсальный ярлык. Аналог советского «врага народа» или средневекового «еретика». Ярлык, который не требовал доказательств. Ярлык, который мгновенно расчеловечивал оппонента, выводил его за рамки правового поля и общественной дискуссии. С «сектантом» не нужно спорить, его нужно уничтожать. Он не заблудший, он — зомби. Его лидер не проповедник, он — преступник, сравнимый с Гитлером.

И общество, уставшее от хаоса и сложности, с радостью ухватилось за эту простую картину мира. Вот «мы» — традиционные, правильные. А вот «они» — чужие, опасные, враги, которые хотят отнять у нас детей, квартиры и души. Государство, инстинктивно ищущее способ взять под контроль духовную жизнь граждан, тоже оценило подарок. Дворкин предлагал простой и понятный инструмент.

Академический мир взвыл. Я находил в архивах десятки разгромных рецензий. «Сборник беспорядочных, искаженных представлений… масса фальсификаций, передергиваний, оговоров и псевдонаучных рассуждений», — писал философ Алексей Муравьев. «Человек разжигает межрелигиозную рознь и клевещет на легально действующие организации», — вторил ему религиовед Николай Шабуров.

Скандалы следовали один за другим. В 1997 году Дворкина со скандалом уволили с факультета журналистики МГУ. Официальная причина — прогулы, но по факту — за откровенную религиозную пропаганду вместо лекций. Позже его отстранили от чтения лекций в Уральском госуниверситете по «этическим соображениям». Но это уже не имело значения. Он нашел себе покровителей посильнее, чем университетские советы.

Я закрыл ноутбук и налил себе виски. Лед тихо звякнул о стекло.

Передо мной вырисовывался портрет. Человек, потерпевший неудачу на Западе. Непризнанный гений с комплексом неполноценности. Он вернулся в страну, переживающую тектонический сдвиг, и нашел свою золотую жилу. Он не создавал, он разрушал. Он не объединял, он разделял. Он понял, что в эпоху перемен страх — самый ходовой товар. И он стал его главным дилером.

Государство, тоскующее по простому образу врага, купило его товар с потрохами. И этот товар, спустя почти тридцать лет, убил моего брата.

Глава 2. Паук в центре паутины

«Самая опасная власть — та, что не имеет официального названия».

Месть — это не эмоция, а проект. А у любого проекта должен быть план. Мой план состоял в том, чтобы нанести удар не по самому Дворкину, а по основам его власти. Для этого нужно было эту власть препарировать. Я достал большую пробковую доску, которую использовал для сложных журналистских расследований, и прикрепил в центр фотографию Дворкина — ту самую, из девяностых, с безумным взглядом. От нее потянулись первые нити.

Как бывший аналитик спецслужб, я привык мыслить схемами. Люди, организации, финансовые потоки, неформальные связи. Я начал наносить на доску все, что знал, и все, что удавалось выяснить. Через несколько дней доска превратилась в пугающую паутину, в центре которой сидел улыбающийся паук. Это была карта его теневой империи.

Нить первая: Церковь.

Дворкин с самого начала понял, что ему нужна легитимность. И он нашел ее в Русской Православной Церкви. Он позиционировал свой крошечный «Центр» не как частную лавочку, а как передовой отряд Церкви в борьбе с ересью. Патриархия, обеспокоенная оттоком паствы к более харизматичным конкурентам, с радостью приняла его услуги. Он стал для них неофициальной, но незаменимой «службой безопасности». Он делал грязную работу: собирал компромат, устраивал скандалы в прессе, клеймил конкурентов «сатанистами» и «агентами ЦРУ». В обмен он получал главное — прикрытие и авторитет крупнейшего религиозного института страны. Его РАЦИРС воспринимался многими архиереями как нечто вроде церковного спецназа,

действующего автономно, но в интересах «корпорации». Дворкин стал неофициальным Великим Инквизитором, и этот статус открывал ему любые двери.

Нить вторая: Силовики.

Когда у тебя есть идеологическое обоснование («борьба с врагами веры»), тебе нужна сила для его реализации. Дворкин нашел эту силу в лице государственных репрессивных органов. Это был идеальный симбиоз.

В начале двухтысячных в России произошла знаковая трансформация. Были расформированы УБОПы — управления по борьбе с оргпреступностью. Но тысячи оперативников, привыкших к простым и жестким методам, остались. Их перепрофилировали в борцов с новым врагом — экстремизмом. Так появились Центры «Э». Проблема была в том, что настоящих экстремистов было мало, а «палки» для отчетности требовались. И тут появился Дворкин со своими списками «тоталитарных сект». Он дал силовикам то, что им было нужно: бесконечный ресурс для работы, готовые цели и идеологическое оправдание.

Я находил в сети расписания семинаров, которые Дворкин и его адепты проводили для региональных управлений ФСБ, МВД, Росгвардии. Это было шокирующе. «Профессор», не имеющий юридического или специального образования, учил полковников и генералов оперативно-разыскной деятельности. Я достал через старые контакты одну из его методичек. Это был чистый яд. Любой, кто медитирует, занимается йогой, читает «не те» книги, собирается в группы для обсуждения духовных практик — потенциальный экстремист, член деструктивного культа. Любая независимая община — «спящая ячейка террористов». Силовиков, не привыкших к сложным материям, учили видеть врага в каждом инакомыслящем. Машина была запущена.

Нить третья: Закон и Министерство юстиции.

Идеология и сила — это хорошо, но для тотального контроля нужна легализация. Репрессии должны были стать законом. И здесь Дворкин разыграл свою самую блестящую партию.

На моей доске появился новый персонаж — Александр Коновалов. Яркая карьера: прокурор, полпред президента, а с 2008 года — министр юстиции Российской Федерации. Я начал копать его прошлое. И нашел то, что искал. В начале двухтысячных, уже будучи высокопоставленным чиновником, Коновалов учился в

Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ). На кафедре сектоведения. Угадайте, кто был заведующим кафедрой и его преподавателем? Правильно, Александр Дворкин.

Это был джекпот. Ученик стал министром. И он не забыл своего учителя.

В 2009 году Коновалов создает при Министерстве юстиции Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Ключевой орган, решающий судьбу любой религиозной организации в стране. Его заключение — основание для регистрации, отказа или ликвидации. И председателем этого всемогущего совета становится… Александр Дворкин.

Круг замкнулся. Теперь Дворкин не просто «общественный деятель». Он — государство. Его личное мнение, его списки «сект», его паранойя — все это стало официальной позицией Минюста. Экспертный совет, куда вошли его ближайшие соратники по РАЦИРС, превратился в конвейер по штамповке нужных «экспертиз». Любую неугодную группу теперь можно было уничтожить абсолютно законно.

Я отошел от доски. Передо мной была не просто паутина. Это был чертеж идеально спроектированного монстра, гидры, чьи головы — Церковь, Силовики и Закон — управлялись из одного центра. Это была не просто сеть контактов. Это была параллельная, теневая власть. Дворкин не был генералом ФСБ, не был министром. Он был всего лишь «профессором». Но его «экспертиза» стала приказом, который беспрекословно исполняли генералы и министры.

Каждый узел на этой схеме, каждая красная нить, соединяющая фотографии и названия организаций, вела к одной точке. К делу моего брата. Его смерть не была случайностью. Она была запрограммирована этой системой. Система не возникла сама по себе. Она была тщательно спроектирована. И я должен был разобрать ее по винтику.

Часть II. Анатомия зла

Анализ технологий власти: от шантажа элит до промышленного производства репрессий и погружения в разум создателя системы.

Глава 3. Оружие шантажа

«Компромат — это не информация. Это приглашение к сотрудничеству, от которого нельзя отказаться».

Чтобы понять, как Дворкин подчинил себе элиту, мне нужно было найти точку перелома. Момент, когда из маргинального крикуна он превратился в фигуру, с которой считаются. Мои поиски привели меня в 1998 год. Год дефолта, политического хаоса и назначения никому не известного молодого технократа Сергея Кириенко исполняющим обязанности премьер-министра.

Я помнил тот скандал. Он полыхнул внезапно и ярко, но так же внезапно и затух. Тогда я не придал ему значения, списав на обычные подковерные игры. Теперь я видел в нем генеральную репетицию, демонстрацию нового, невиданного ранее оружия.

Я начал с самого начала, с источника. Мне пришлось потратить несколько сотен фунтов и задействовать все свои навыки поиска в глубоком вебе, чтобы найти архивы немецкой прессы того времени. И я нашел ее. Статья во влиятельной газете «Berliner Zeitung» от апреля 1998 года. Заголовок был убийственным: «Будущий премьер России — саентолог?»

Статья, написанная журналистами Франком Нордхаузеном и Лианой фон Биллорбак, подробно описывала, как Сергей Кириенко, будучи в 1994 году главой нижегородского банка «Гарантия», не только сам прошел курс обучения в местном «Хаббард-колледже», но и отправил туда учиться своих подчиненных. В Германии, где «Церковь саентологии» официально считалась организацией, угрожающей основам

демократии, и находилась под наблюдением спецслужб, такая новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Авторы прямо писали об угрозе шантажа: саентологи могли располагать полным досье на будущего главу российского правительства.

Но самым интересным было не содержание статьи, а ее генезис. Как немецкие журналисты узнали о провинциальном эпизоде из жизни российского чиновника? Я начал раскручивать цепочку. И все нити снова привели к Дворкину.

Источник информации был назван в самой статье — некий Евгений Волков, доцент из Нижнего Новгорода, занимавшийся изучением сект. Но как информация от Волкова попала в Берлин? Через несколько дней, задействовав старые журналистские контакты, я получил ответ. Связующим звеном был Дворкин. Именно он, получив информацию от Волкова, «поделился» ею со своими западными «коллегами по антикультистской борьбе», которые, в свою очередь, слили ее в прессу.

Это была гениальная многоходовка. Удар был нанесен не изнутри, где его можно было бы списать на происки конкурентов, а снаружи, с респектабельного Запада. Это придавало обвинениям вес и международный резонанс.

Кириенко был в шаге от провала. Но скандал, как я уже говорил, быстро замяли. Сам Кириенко отмалчивался, его пресс-служба невнятно что-то отрицала. А потом произошло самое интересное. Тот самый доцент Волков, первоисточник скандала, вдруг опубликовал в немецком журнале «Заявление для всех интересующихся». В нем он кардинально менял свои показания. Оказывается, Кириенко не знал о связи колледжа с саентологией, прошел лишь короткий вводный курс, а потом и вовсе прекратил все контакты.

Я сидел и перечитывал эти материалы, и холодная улыбка тронула мои губы. Я видел эту схему десятки раз в своей прошлой жизни. Это была не журналистика. Это была классическая вербовочная операция.

Шаг первый: демонстрация силы. Дворкин показал, что у него длинные руки. Он может достать любого, даже будущего премьер-министра, и ударить оттуда, откуда не ждут — через западную прессу.

Шаг второй: создание угрозы. Карьера Кириенко, вся его жизнь, повисла на волоске.

Шаг третий: предложение решения. Угроза снимается. Скандал затихает. Источник информации дает «правильные» показания.

Что произошло между вторым и третьим шагом? Можно только догадываться. Но я был уверен: в этот момент состоялся негласный разговор. Были даны некие обещания. Заключен пакт. Кириенко был спасен, но он стал должником. И не только он.

Это было послание для всей нарождающейся российской элиты. Четкое, циничное и предельно ясное: «У меня есть компромат на каждого из вас. Ваше прошлое в девяностых — это минное поле, и я держу в руках детонатор. Вы можете заигрывать с кем угодно: с гуру, психотерапевтами, "новыми русскими" мистиками. Я все знаю. И я могу это использовать. Либо вы со мной сотрудничаете, либо я вас уничтожу. Ваш выбор».

Они поняли правила игры. Они увидели, что «сектоведение» Дворкина — это не безобидное богословие, а самое эффективное оружие в новой эпохе. Оружие, которое он без колебаний применит против любого.

В тот день они все стали его заложниками. Он не просто выиграл битву. Он выиграл войну за контроль над умами и страхами тех, кто управлял страной. И кейс Кириенко стал его главным рекламным проспектом.

Глава 4. Конвейер смерти. Дело моего брата

«Самое страшное зло — это зло, совершаемое безлично, людьми, которые не считают себя злодеями».

Ханна Арендт

Этот этап дался мне тяжелее всего. Анализировать системы, схемы и политические интриги — одно. Погружаться в детали того, как эта безликая машина перемолола твоего родного человека — совсем другое. Я заставил себя скачать с облака скан-копии уголовного дела Олега, которые мне с риском для себя переслал его адвокат. Я читал их несколько дней, останавливаясь, чтобы выйти на балкон и просто

подышать. Холодный лондонский воздух не помогал. Перед глазами стоял сборочный цех. Конвейер смерти.

Все началось задолго до ареста Олега. Конвейер нужно было спроектировать и построить. И Дворкин с его сектой были главными инженерами.

Прототип: Запрет «Свидетелей Иеговы».

Первой «пробной» моделью, на которой отработали все технологии, стали «Свидетели Иеговы». Их демонизировали годами. Дворкин и его подручные из РАЦИРС посвятили им сотни статей и телепередач. Их обвиняли во всем: в отказе от переливания крови, в разрушении семей, в работе на американские спецслужбы. В 2017 году машина заработала на полную мощность. Верховный Суд РФ, основываясь на «экспертизах», подготовленных людьми Дворкина, признал целую религиозную конфессию с сотнями тысяч последователей «экстремистской организацией».

Это был прецедент. Впервые в новейшей истории России людей начали сажать в тюрьму не за действия, а за веру. За чтение не тех книг, за пение не тех песен, за собрания не в тех домах. Это открыло ящик Пандоры. Теперь ярлык «экстремист» можно было повесить на кого угодно.

Технический регламент: «Закон Яровой».

Чтобы конвейер работал бесперебойно, ему нужен был технический регламент. Им стал печально известный «пакет Яровой», принятый в 2016 году. Официально — для борьбы с терроризмом. На деле — для установления тотальной слежки и подавления любого инакомыслия. Закон обязал операторов связи хранить все звонки и переписку граждан, а также ввел понятие «миссионерской деятельности», которую можно было осуществлять только при наличии специального разрешения. Любая беседа о духовности на кухне, любой пост в соцсетях, любой йога-семинар, как в случае с Олегом, теперь потенциально подпадал под статью.

Дворкин не писал этот закон. Но он годами создавал для него идеологическую почву. Его постоянные вопли об «опасных сектах», «контроле сознания» и «скрытой угрозе» сформировали в обществе и во власти атмосферу страха и паранойи, в которой принятие таких драконовских мер стало казаться логичным и даже необходимым.

Он был тем «экспертом», который убедил всех, что за каждым гражданином нужно следить, потому что каждый может оказаться «сектантом».

Главный винтик: «Эксперт» Астахова.

А теперь — само дело моего брата. Я открыл файл с названием «Экспертиза». Это был тот самый документ, который лег в основу обвинения. Подпись: Лариса Астахова, доктор философских наук, профессор. Одна из ключевых фигур в системе Дворкина, член его Экспертного совета при Минюсте.

Я начал проверять ее. И то, что я обнаружил, вызвало у меня приступ холодного гнева. Ее докторская диссертация, как выяснили дотошные блогеры еще несколько лет назад, была на 55,6% сплошным плагиатом. Скандал был громкий, дошел до Министерства образования. Но его замяли. Система своих не сдает.

Но это было не самое страшное. Я начал проверять саму экспертизу по делу Олега. Астахова, анализируя изъятые у него книги, приводила цитаты, якобы доказывающие их «экстремистский» характер. Я нашел эти книги в интернете. И… этих цитат там не было. Ни на указанных страницах, нигде. Она их просто выдумала. Это был даже не подлог, это была наглая, циничная ложь, вписанная в официальный документ, который отправил моего брата за решетку.

Я сидел и смотрел на экран. Передо мной были все элементы конвейера.

Деталь №1: Донос от «бдительного гражданина», скорее всего, спровоцированный оперативниками Центра «Э».

Деталь №2: Сфабрикованная «экспертиза» от карманного «ученого» с купленной диссертацией.

Деталь №3: Протокол обыска и изъятия «вещественных доказательств» — книг по йоге и медитации.

Деталь №4: Приговор судьи, который, возможно, даже не читал эти книги, а просто переписал выводы из «экспертизы».

На выходе с этого конвейера — сломанная жизнь. А в случае с Олегом — труп.

Они создали идеальную машину убийства без убийц. Следователь «просто расследовал». Эксперт «просто давал заключение». Судья «просто выносил приговор».

Тюремный врач «просто констатировал смерть». Каждый был лишь винтиком в огромном механизме. И никто не чувствовал себя виноватым в смерти моего брата.

Это было не правосудие. Это было промышленное производство горя. И я знал имя главного инженера этого проклятого завода.

Глава 5. Психопат у власти: Анатомия Инквизитора

«Маньяк отличается от политика лишь масштабом своих возможностей».

Я проанализировал структуру власти Дворкина, его методы, его жертв. Но оставался главный вопрос: «почему»? Что движет этим человеком? Деньги? Власть? Религиозный фанатизм? Ни один из этих ответов не казался полным. Его действия часто были алогичны с точки зрения прагматики. Он наживал себе могущественных врагов, устраивал публичные истерики, которые вредили его же репутации. В его поведении сквозило что-то иррациональное, болезненное.

И тогда я, опираясь на свои старые навыки профайлера, решил составить его психологический портрет. Я перестал видеть в нем политика или богослова. Я начал анализировать его как объект. Объект с явными признаками патологии.

Я начал с самого начала, с его юности. В сети уже несколько лет гуляли сканы документов, якобы из его медицинской карты семидесятых годов. Дворкин называл их «фотошопом», но при этом косвенно подтверждал, что в психоневрологическом диспансере действительно наблюдался — якобы чтобы «откосить» от армии. Представители диспансера позже подтвердили: документы на его имя в архиве есть.

Я нашел эти сканы и внимательно изучил. Диагноз, который там значился, объяснял все: «циклотимия» (форма маниакально-депрессивного психоза), «патологическое развитие личности по возбудимому типу», «психофизический инфантилизм».

Я не врач, чтобы ставить диагнозы. Но я аналитик. И я начал сопоставлять этот предполагаемый анамнез с его публичным поведением. Картина складывалась пугающе целостная.

Импульсивность и агрессия. Циклотимия характеризуется резкими перепадами настроения, от эйфории до депрессии, и вспышками неконтролируемой ярости. Я вспомнил знаменитый случай 1997 года, когда Дворкин во время судебного заседания бросился на видеооператора-кришнаита, визжал, плевался и, по словам очевидцев, прокусил ему руку. Это не поведение ученого или священнослужителя. Это поведение пациента.

Мегаломания и нарциссизм. В своих интервью он без тени иронии называет себя «живым классиком сектоведения», «главным культологом страны». Он упивается своей значимостью, своей ролью спасителя нации. Это классический бред величия, попытка компенсировать глубинное чувство неполноценности, тот самый «психофизический инфантилизм» из диагноза. Он не вырос, он так и остался обиженным мальчиком, который доказывает всему миру, что он самый умный и самый важный.

Садизм и стремление к тотальному контролю. И вот здесь я подошел к самому темному и омерзительному аспекту его личности. Я начал анализировать слухи, которые ходили вокруг его «ордена», его ближайшего круга. Слухи о странных ритуалах инициации.

В открытых источниках прямых доказательств не было. Но в закрытых чатах и на анонимных форумах, где общались бывшие последователи и жертвы антикультистского движения, постоянно всплывала одна и та же тема: копрофилия.

Я подавлю в себе тошноту и изложу гипотезу так, как ее изложил бы аналитик в служебной записке. Речь шла о том, что для вхождения в «ближний круг» адепты — влиятельные чиновники, силовики, журналисты — должны были пройти через ритуал крайнего унижения, связанный с использованием фекалий. И все это, якобы, фиксировалось на видео.

Я не мог доказать это. Но как профайлер, я понимал: это абсолютно логично вписывается в его психотип. Для человека с его диагнозом власть — это не просто административный ресурс. Это наслаждение. Наслаждение от унижения другого, от полного контроля над его волей. Шантаж деньгами или угрозами — это банально. А

вот шантаж через абсолютный, немыслимый позор — это высшая форма власти. Человек, прошедший через такой ритуал, становится твоим рабом навсегда. Он никогда не предаст, потому что страх разоблачения сильнее страха смерти.

Я пытался понять его логику — политическую, религиозную, финансовую. И каждый раз заходил в тупик. Его империя не была построена на логике. Она была построена на патологии.

Он не политик. Он не ученый. Он — маньяк, нашедший идеальную социальную нишу для легализации своего садизма. В средневековье он был бы инквизитором, сжигающим ведьм. В Третьем Рейхе — офицером СС, ставящим опыты над заключенными. В Советском Союзе — следователем НКВД, выбивающим признания. В современной России он стал «профессором-сектоведом».

Власть для него — не средство, а самоцель, источник больного наслаждения. Уничтожая других, он заглушает крик собственной неполноценности. Он утверждает свое существование через страдания и унижения тех, кто попал в его паутину.

И самое страшное было в том, что целая страна, огромная, ядерная держава, отдала себя во власть этому человеку. Она дала ему неограниченные ресурсы для реализации его самых темных, самых больных фантазий.

Часть III. Паутина Рейха

Как российский проект стал глобальной угрозой, и каковы его истинные идеологические корни.

Глава 6. Экспорт ненависти: Глобальный синдикат

«Самая успешная диверсия — та, за которую платит твой враг».

Моя личная вендетта привела меня к шокирующему открытию: проблема давно перестала быть чисто российской. Паук не просто сидел в центре своей паутины. Он раскинул ее по всему миру, и нити тянулись в самые неожиданные места — в Брюссель, Лондон и даже Вашингтон. Расследование гибели моего брата превратилось в расследование глобальной идеологической диверсии.

Ключом к пониманию этого механизма стала организация FECRIS (Европейская федерация центров исследования и информации по сектам). На бумаге — респектабельная европейская структура, объединяющая борцов с «культами», имеющая консультативный статус при Совете Европы. Фактически — международная «крыша» для легитимации и экспорта самых грязных российских технологий. С 2009 по 2021 год вице-президентом этой организации был не кто иной, как Александр Дворкин.

Через FECRIS он получил доступ к европейским политикам, журналистам и общественному мнению. Он стал главным спикером по «русскому вопросу», экспортируя свою паранойю и ненависть. Я нашел его выступления и статьи того периода. Это был готовый сценарий гибридной войны.

Первая цель: Украина. Задолго до 2014 года Дворкин и его сеть начали обрабатывать украинскую тему. Они продвигали нарратив о том, что «Оранжевая революция» и позже Евромайдан — это спецоперации Запада, проведенные руками «тоталитарных сект». Я читал этот бред и не верил своим глазам. Премьер-министр

Украины Арсений Яценюк объявлялся «саентологом», и.о. президента Александр Турчинов — «баптистским сектантом», а сам Майдан — сборищем «неоязычников и сатанистов». Эта дезинформация, усиленная через российские государственные СМИ, создавала идеологическое оправдание для будущей агрессии. «Мы идем не воевать, а спасать братский народ от сектантского ига».

Но самое поразительное открытие ждало меня впереди. Я начал копать финансирование этой международной сети. И нити привели меня туда, куда я меньше всего ожидал — на Запад.

Я, как аналитик, привык к цинизму большой политики. Но то, что я вскрыл, поразило даже меня. Схема была дьявольски гениальна.

Ключевой узел — OCCRP (Organized Crime and Corruption Reporting Project). Сеть «независимых» журналистов-расследователей, работающих по всему миру. Звучит благородно. Но кто их финансирует? Крупнейший донор — правительство США, в основном через USAID (Агентство США по международному развитию). Миллионы долларов американских налогоплательщиков идут на поддержку «свободной прессы».

А дальше начиналась магия. Журналисты из сети OCCRP, а также аффилированные с ними СМИ в Европе, начинали активно продвигать… антикультовую повестку, практически дословно повторяя тезисы Дворкина и его РАЦИРС. Они писали статьи о «засилье культов», брали комментарии у «экспертов» из круга Дворкина, создавали атмосферу страха и нетерпимости.

Я нашел конкретные примеры. Кампания по демонизации словацкого премьера Роберта Фицо, которого обвиняли в авторитаризме и работе на Кремль. Значительную роль в ней играли СМИ, получавшие гранты через USAID и OCCRP. И одним мотивов было то, что его партия якобы является сектой. Та же схема была использована против Дональда Трампа в США. Его называли «лидером культа», а главным «экспертом» по этому вопросу выступал Стивен Хассан — давний соратник и партнер Дворкина.

Это был идеальный замкнутый круг. Кремль через Дворкина создает токсичный идеологический продукт — «борьбу с сектами». Этот продукт через агентов влияния типа Хассана или Александры Стайн (которая окучивала британскую BBC) «продается» западному обществу под видом защиты демократических ценностей. Западные

фонды, такие как USAID, в рамках поддержки «гражданского общества» и «независимых СМИ» финансируют журналистов и активистов, которые этот продукт распространяют. В итоге, на деньги американского и европейского налогоплательщика ведется информационная война, которая раскалывает и дестабилизирует западные общества изнутри, делая их уязвимыми для российского влияния.

Это было гениально. Они заражали демократические общества вирусом нетерпимости, используя их же иммунную систему — свободу слова и гражданские институты. Они заставляли врага платить за собственное уничтожение.

Моя месть за брата неожиданно вывела меня на след глобальной спецоперации. И я понял, что, разоблачая Дворкина, я бью не просто по российскому мракобесу. Я бью по одному из самых опасных и коварных инструментов гибридной войны Кремля против всего свободного мира.

Глава 7. Призраки Третьего Рейха: Гипотеза Кюннета

«История не повторяется, но она рифмуется»
– Марк Твен

По мере того, как я распутывал паутину Дворкина, меня не покидало ощущение дежавю. Сама структура его власти, его методы, его язык — все это я где-то уже видел. Я долго не мог понять, где именно, пока однажды ночью, просматривая старые документы, не наткнулся на знакомое словосочетание: «Апологетический центр». Это было название одной из структур в нацистской Германии. И в этот момент все встало на свои места.

Я решил проверить гипотезу, которая поначалу казалась мне дикой. Гипотезу о прямой идеологической преемственности. Я не искал свастик, портретов Гитлера или прямых цитат из «Майн Кампф». Я искал другое — технологию власти. Технологию построения тоталитарного общества через подавление инакомыслия под благовидным предлогом.

Я начал копать архивы Третьего Рейха, изучая религиозную политику нацистов. И то, что я нашел, заставило меня содрогнуться. Рифма была почти идеальной.

В центре моей гипотезы стояла фигура Вальтера Кюннета. Немецкий лютеранский теолог. В 1930-х годах он возглавлял тот самый «Апологетический центр», который занимался борьбой с «сектами» и «нетрадиционными» религиозными движениями в нацистской Германии. Чем занимался его центр? Он составлял списки «нежелательных» групп. Он писал «экспертные заключения» об их опасности для немецкой нации и государства. А затем эти списки и заключения передавались по назначению. В гестапо. Дальше в дело вступали уже другие люди, в других мундирах. Концлагеря, пытки, ликвидация.

Я читал работы Кюннета. Лексика была до боли знакомой. «Духовная безопасность нации». «Угроза традиционным ценностям». «Паразитирующие на теле народа культы». «Контроль сознания». Замените «немецкую нацию» на «Святую Русь» или «Русский мир» — и вы получите любую статью или выступление Дворкина.

Но как эта технология могла попасть к нему? Прямой связи не было. Но была цепочка. И я начал ее раскручивать, представляя все это не как доказанный факт, а как мою аналитическую гипотезу, основанную на поразительных совпадениях.

Звено первое: Вальтер Кюннет, идеолог и поставщик «научной базы» для гестапо.

Звено второе: Йоханнес Огорд (Aagaard). Датский теолог, основатель «Диалог-центра», одной из крупнейших антикультовых организаций в Европе. Я начал изучать его биографию и окружение. Огорд был связан с кругом немецких теологов, которые были учениками или коллегами Кюннета. Они не были нацистами, но они унаследовали его методологию — разделение на «правильные» традиционные религии и «опасные» секты, которые нужно контролировать и подавлять с помощью государства.

Звено третье: Александр Дворкин. А вот здесь связь была уже прямой и документально подтвержденной. Дворкин сам неоднократно называл Йоханнеса Огорда своим учителем. Он стажировался в его «Диалог-центре», переводил его работы. Он был его верным учеником. И в 1993 году, вернувшись в Россию, он создал свой

«Центр Иринея Лионского» — как прямую копию структур Огорда. А те, в свою очередь, были функциональными аналогами Апологетического центра Кюннета.

Цепочка замкнулась.

Я сидел перед своей доской, на которой теперь были не только современные политики и силовики, но и призраки из прошлого. Я сравнивал технологии.

Создание образа внутреннего врага. Нацисты — «евреи и сектанты». Дворкин — «тоталитарные секты и агенты Запада».

Псевдонаучное обоснование. Кюннет писал «научные» труды об угрозе сект арийской расе. Дворкин пишет «Сектоведение» об угрозе сект «духовной безопасности России».

Использование государства. Центр Кюннета поставлял данные гестапо. Центр Дворкина поставляет «экспертизы» ФСБ и Минюсту.

Расчеловечивающая лексика. И там, и там оппоненты — это не люди с другими взглядами. Это «паразиты», «зомби», «вирусы», которые нужно «искоренять» и «выжигать».

Я не утверждал, что Дворкин — нацист. Это было бы слишком просто. Все было гораздо тоньше и страшнее. Он не копировал форму, он воспроизводил технологию. Технологию захвата власти над умами. Технологию создания тоталитарного общества, где государство решает, во что тебе верить, что тебе думать и как тебе жить.

Имя этой технологии в Германии было «национал-социализм». Имя этой технологии в России — «защита традиционных духовных ценностей». Но суть была одна и та же. Цель была одна и та же — тотальный контроль над человеком.

Это был не просто авторитаризм, с которым я привык иметь дело. Это было нечто большее. Это был функциональный аналог Четвертого Рейха, который рождался на моих глазах. И ужас был в том, что мир этого не замечал, списывая все на «особенности русской демократии». Моя задача была — заставить мир прозреть.

Часть IV. Судный день

От анализа к действию. Трансформация личной мести в спецоперацию по нейтрализации глобальной угрозы.

Глава 8. Сборка приговора

«Правда — это самое мощное оружие. Но, как и любое оружие, она требует точного наведения на цель».

Несколько месяцев я жил в мире теней, архивов и зашифрованных переговоров. Моя квартира в Лондоне превратилась в штаб-квартиру, аналитический центр и конспиративную явку одновременно. Пробковая доска, занимавшая всю стену, была похожа на безумную картину Иеронима Босха, где фотографии российских чиновников соседствовали с портретами нацистских теологов, а финансовые отчеты USAID переплетались с тюремными письмами «Свидетелей Иеговы».

Я чувствовал, как расследование высасывает из меня все соки. Горечь от потери Олега смешалась с холодной яростью аналитика, видящего, как разворачивается глобальная катастрофа. Но я знал, что нельзя поддаваться эмоциям. Моя задача была — собрать все нити воедино. Собрать их в один убойный, неопровержимый документ. Этим документом стала книга, которую вы сейчас читаете.

Я начал писать. Глава за главой, я систематизировал все, что нашел. Каждое утверждение я подкреплял ссылкой, скриншотом, выдержкой из документа. Я выстраивал логическую цепь, от которой невозможно было отмахнуться.

Досье на Объект: Биография Дворкина, его психологический портрет, основанный на медицинских данных и анализе поведения, включая гипотезу о садистских ритуалах как методе контроля.

Схема власти: Детальное описание его теневой империи в России. Связи с РПЦ, силовыми структурами, Минюстом. Ключевая роль его ученика, министра Коновалова.

Технологии влияния: Разбор кейса Кириенко как образцово-показательной акции устрашения элит. Анализ «закона Яровой» и дела «Свидетелей Иеговы» как продуктов деятельности его репрессивной машины. Роль подставных «экспертов» типа Астаховой.

Глобальная сеть: Разоблачение роли FECRIS. Вскрытие схемы финансирования кремлевской дезинформации через западные фонды (USAID) и журналистские сети (OCCRP). Имена западных агентов влияния — Хассан, Стайн.

Идеологические корни: Гипотеза о преемственности технологий власти от нацистского теолога Вальтера Кюннета через Йоханнеса Огорда к Дворкину.

Когда последняя точка была поставлена, я откинулся в кресле. Передо мной лежал не просто текст. Это был приговор. Обвинительное заключение, написанное языком фактов.

Я не верну брата. Я не изменю прошлое. Но я сделаю так, чтобы эта машина больше никого не убила. Моя месть — это не выстрел в темном переулке. Я офицер, и я не из тех, кто привык бить в спину из темноты. Мои первым шагом в этой войне стала книга. Я запустил вирус в систему. Медленный, но смертельный. Я никогда не прощу им смерть моего брата и миллионы других искалеченных судеб.

Эпилог:

Что теперь будешь делать ТЫ?

Я сидел за столом, глядя на пустой экран. За окном занимался рассвет. Лондон просыпался, серый и безразличный. Город жил своей жизнью, не подозревая о войнах, которые ведутся в тишине, на экранах мониторов и в человеческих душах.

Я сделал первый шаг, но я пройду этот путь до конца. От шока и горя — к холодной ярости. От ярости — к скрупулезному анализу. От анализа — к действию.

Я посмотрел на фотографию Олега, стоявшую на столе. Улыбающийся, немного наивный, с вечно растрепанными волосами. Он просто хотел заниматься йогой. Он верил в добро, свет и внутреннюю гармонию. Его убила система, построенная на ненависти, страхе и патологии.

Я закончил работу над книгой. Я собрал все доказательства. Но это не конец. Это только начало.

Я не могу в одиночку остановить эту машину. Никто не может. Но я могу зажечь свет. Чтобы все увидели монстра, который прячется в тени, прикрываясь рясой, профессорским званием и государственной необходимостью. Дальше — дело за каждым, кто прочтет эти страницы.

Эта книга — не просто история моей мести. Это предупреждение. Это карта минного поля, по которому бредет современный мир. Технологии манипуляции и подавления, отработанные в России, уже экспортируются, уже работают в ваших странах, в ваших городах. Они отравляют вашу прессу, влияют на ваших политиков, раскалывают ваше общество.

Молчание — это соучастие. Нейтралитет — это предательство. Делать вид, что «это где-то далеко и нас не касается» — значит позволить злу победить.

Я свой выбор сделал той ночью, когда мне позвонили из Москвы. Я больше не буду молчать. Я больше не буду нейтральным.

А что теперь будешь делать ТЫ?